

УДК 94 (510)

DOI <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.71>

Усиление японского влияния в Хулун-Буире в первой трети XX в.*

Л. В. Курас, Б. Д. Цыбенков

Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Россия

Аннотация. Анализируются документы из Архива внешней политики Российской империи и Центрального архива Федеральной службы безопасности России, содержащие сведения об усилении позиций Японии на северо-востоке Китая. В частности, изучены материалы о деятельности японских инструкторов в отряде харчинов в 1917 г., выяснены имена японских офицеров, данные о передвижении японцев в районе Халхин-Гола в указанный период. Также введены в научный оборот отдельные данные из следственных дел даурских деятелей Мэрсэ и Фуминтая: проанализирована их деятельность в 1917 и 1928 гг., установлены лица, контактировавшие с даурскими лидерами, и их вероятные связи с японцами.

Ключевые слова: Хулун-Буир, японцы, харчины, Халхин-Гол, дауры, баргуты, Мэрсэ, Фуминтай.

Для цитирования: Курас Л. В., Цыбенков Б. Д. Усиление японского влияния в Хулун-Буире в первой трети XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2020. Т. 31. С. 71–81. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.71>

Продвижение Японии вглубь Азиатского континента в первой половине XX в. получило широкое освещение в российской и японской историографии. Страна, вышедшая победителем в Русско-японской войне 1904–1905 гг., активно расширяла территорию своих завоеваний. Русско-японская политическая конвенция 1907 г., разграничивавшая сферы влияния обоих государств, не стала непреодолимой преградой для Японии. В 1910 и в 1912 гг. были подписаны новые российско-японские соглашения, разграничивавшие сферы влияния государств на территории Внутренней Монголии [6, с. 103]. Теперь особый интерес для японцев представляли восточная часть Внутренней Монголии, Монгольская Народная Республика и сибирские территории СССР. В этой связи ключевое положение занимал регион Хулун-Буир (Барга), расположенный на стыке трех государств – СССР, МНР и Китайской Республики. На западной границе Хулун-Буир соприкасался с местностью Халхин-Гола, которому было суждено войти в мировую историю как месту, где завершилось победоносное шествие Японии в за-

* Статья подготовлена Л. В. Курасом в рамках государственного задания (проект XII.191.1.2 «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4); Б. Д. Цыбенковым при поддержке РФФИ, проект «Буддизм и национализм во Внутренней Азии», проект № 17-01-00117.

падном направлении. Как показывают архивные материалы, представители японских и российских военных кругов рассматривали территорию в районе р. Халхин-Гол в качестве предполагаемого театра военных действий еще задолго до событий мая – сентября 1939 г. В целом Япония тратила много средств на изучение Маньчжурии и Монголии, оценивая их как «возможные в будущем театры войны» [1, с. 335].

О пребывании японских офицеров в 1917 г. в харчинском отряде, дислоцированном в районе Халхин-Гола, свидетельствуют данные российских дипломатов. Так, 30 августа 1917 г. российский посланник в Пекине князь Н. А. Кудашев писал вице-консулу в Хайларе П. К. Усатому, что в объяснениях с харчинами и баргутами нужно приложить усилия, чтобы вселить в них уверенность в том, что уход японцев, находившихся ранее среди харчинов, последовал по требованию российской стороны. Из того же источника становится ясно, что 20 августа 1917 г. вице-консул в Хайларе отправлял донесение за № 295 об уходе из Барги последних японцев, находившихся среди харчинов¹. По другим данным, японцы покинули Хулун-Буир в сентябре 1917 г., когда в Хайлар по КВЖД были переброшены китайские войска [7, с. 47]. В архивных материалах имеется список японских офицеров из 13 чел. (Сэки, Сатакэ, Мияко, Ока, Оиси, Хатакаяма, Вадаца, Кавашима, Сакамото и др.), которые, по данным вице-консула в Хайларе, принимали участие в беспорядках в Хулун-Буире, устроенных харчинами². Российские дипломаты в Китае внимательно следили за развитием конфликтной ситуации в Хулун-Буире, а вице-консул в Хайларе периодически отправлял донесения о текущем положении дел. Специально для изучения причин конфликта в Хулун-Буир был направлен первый секретарь Российской миссии, статский советник В. В. Граве. Перед ним стояла задача объединить действия консулов и представителей российской власти в Северной Маньчжурии для улаживания конфликта в Хулун-Буире. В. В. Граве было поручено выяснить ряд конкретных вопросов, включая вероятность поселения харчинов в Хулун-Буире в случае ухода японцев, положение и значение в регионе дауров, отношение русских к харчинам и др.³ В своем отчете В. В. Граве отмечал, что японцы через князя Су сами обратились к харчинам, предложив им свою помощь. Предложение было принято, и харчины поступили на службу к японцам. Следуя советам прикомандированных к ним японских офицеров, харчины начали военные действия против китайцев.

После смерти Юань Шикая китайские войска стали побеждать харчинских повстанцев. Однако Япония, оказав дипломатическое воздействие на Пекин и передвинув свои войска в Южной Маньчжурии, спасла харчинов от полного поражения⁴. После смерти 8 октября 1916 г. в одном из сражений у г. Линьси (район Жэбэй) предводителя отряда Бавужава [5, с. 4] отряд воз-

¹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Фонд «Консульство в Хайларе». Оп. 573. Год 1914–1915. Д. 7. Л. 52–52об.

² Там же. Л. 61.

³ АВПРИ. Фонд «Консульство в Хайларе». Оп. 573. Год 1914–15. Д. 7. Л. 53об.–54.

⁴ Там же. Л. 72.

главил его родственник Шадарбал. Но, поскольку он не обладал тем авторитетом, какой был у Бавужава, между отдельными командирами начались разногласия, которые были отчасти урегулированы японскими инструкторами. По совету японских инструкторов харчинские повстанцы выбрали местом дислокации своего отряда район южного берега р. Халхин-Гол, где и находились до весны 1917 г. Надо заметить, что японцев беспокоила участь этого харчинского отряда, оставшегося без своего харизматичного лидера, поэтому японцы вели переговоры с китайцами в Пекине и Мукдене (совр. г. Шэньян). Суть переговоров состояла в решении вопроса о принятии харчинов на службу в китайские войска с расселением их семей в какой-либо части Маньчжурии. Переговоры не принесли положительных результатов. Японское вмешательство в харчинское дело было с большой тревогой встречено китайцами¹.

Боевые качества харчинов, очевидно, уже в то время интересовали и есаула Г. М. Семенова. Так, 1 августа 1917 г. чиновник по дипломатической части в г. Иркутске подполковник Эльтеков отправил секретную телеграмму вице-консулу в Хайларе. В ней говорилось, что комиссар Всероссийского центрального комитета по формированию добровольческих дружин есаул Семенов хотел бы завербовать в свои отряды харчинов. В телеграмме также сообщалось, что в случае утвердительного ответа Семенов прибудет в Хайлар для выяснения условий². Как известно из истории белогвардейского движения в Сибири, несколько позже идея Семенова увенчалась успехом. К нему примкнул один из лидеров харчинов – Фушенга.

Возвращаясь к ситуации весны 1917 г., отметим, что обстановка вокруг Халхин-Гола и Хулун-Буира накалялась день ото дня и выходом для харчинского отряда и его лидеров представлялся захват Хулун-Буира. По мнению В. В. Граве, японские инструкторы подтолкнули харчинов в мае 1917 г. к походу в Хулун-Буир. Поводом для него послужили отказ фудутуна Хулун-Буира Шэнфу от провозглашения монархии в регионе и обращение к китайскому правительству с просьбой о присылке войск для отгона харчинов от границ Хулун-Буира³. Хотя имеется и противоположная точка зрения: Шэнфу не просил присылки в Хулун-Буир китайских войск. Он сообщал российскому вице-консулу в Хайларе, что, вероятно, китайские власти неправильно поняли его донесение об опасности пребывания харчинского отряда в районе Халхин-Гола [5, с. 11]. Согласно предположению В. В. Граве, походом в Хулун-Буир японцы преследовали далеко идущие цели, отчасти связанные с попыткой заставить китайцев пойти на соглашение с харчинами. С другой стороны, японцы пытались насторожить русские круги в связи с устойчивыми слухами о сепаратном мире между Россией и Германией⁴. В то же время надо заметить, что указания, полученные японскими инструкторами в харчинском отряде, поступали от военных властей

¹ АВПРИ. Фонд «Консульство в Хайларе». Оп. 573. Год 1914–15. Д. 7. Л. 73.

² Там же. Ф. № 299 «Вице-консульство в Хайларе» (Китай) 1913–1920 гг. Оп. 573. Д. 3. Л. 2.

³ Там же. Ф. Консульство в Хайларе. Оп. 573. Год 1914–15. Д. 7. Л. 73.

⁴ Там же. Л. 73.

Квантуна, которые в ряде случаев шли вразрез с официальной политикой японского МИДа¹. После захвата Хайлара 11 мая 1917 г. харчины при содействии японских инструкторов создали новое правительство во главе с баргутом Чэхэжжа. Даурские чиновники лишились своих должностей. В свое время амбань Шэнфу, даур по национальности, набирал в администрацию лишь представителей даурской элиты². Теперь Шэнфу был обвиняем харчинами в одновременных переговорах с китайской провинциальной администрацией в Цицикаре и с князем Су – одним из лидеров монархического движения [2, с. 618]. Таким образом, харчинский отряд, ведомый японскими инструкторами, нанес ощутимый удар по правящей верхушке Хулун-Буира. Она в основном состояла из дауров. Причем пострадала как даурская правящая элита, так и простые дауры, которых стали грабить мелкие шайки харчинов. Даурское население было вынуждено покинуть свои деревни и направиться в сторону Прихинганя – в местности Жидан-гол, Жалан-айл, а также в район Цицикара [8, с. 208].

Очевидно, именно тогда зародились первые ростки недоверия дауров к японцам. Позже это недоверие выразилось в антияпонском деле Линшена – даура, губернатора провинции Северный Хинган (1936 г.), борьбе дауров против японцев (1939–1945 гг.), вооруженных мятежах в армии Маньчжоу-Го (август 1945 г.). Японские консулы в Цицикаре и Харбине пытались объяснить поведение повстанцев неправильными действиями администрации Хулун-Буира [3, с. 180]. В следственном деле даурского деятеля Фуминтая, арестованного в Москве в 1937 г. по подозрению в шпионаже в пользу Японии, имеются некоторые данные об этом периоде. Фуминтай отмечает, что князь Шэнфу провел мобилизацию монголов (в указанный период дауры относились к монгольским племенам. – *Авт.*), всего около 3 тыс. чел. для борьбы с отрядом Бавужава. Фуминтай был в числе мобилизованных. После поражения отряда Шэнфу в мае 1917 г. Фуминтай, как и другие ополченцы, покинул отряд и вернулся домой, в деревню Мэхэртэ, в 60 км от Хайлара. По его данным, отряд харчинов возглавляли Сэбчжингэ и Бумбажав³. В начальный период конфликта, после захвата Хайлара харчинами, грабежей даурского населения еще не было. Согласно сведениям Фуминтая, обстановка была напряженной, но относительно спокойной. Так, Фуминтай с другими односельчанами (5–6 чел.) приехал обратно в Хайлар, чтобы получить деньги за использование своих арб (телег) харчинами. Дело в том, что еще до начала вооруженного конфликта некоторые дауры деревни Мэхэртэ сдали в аренду Сэбчжингэ свои арбы для военных перевозок. По словам Фуминтая, приехать в Хайлар он не боялся, поскольку Сэбчжингэ лично его не знал. Переговоры с Сэбчжингэ по поводу аренды арб вел отец Мэрсэ⁴.

Таким образом, выясняется, что ситуация в Хулун-Буире в изучаемый период была непростой. Нельзя сказать, что дауры изначально выступали

¹ АВПРИ. Ф. Консульство в Хайларе. Оп. 573. Год 1914–15. Д. 7. Л. 73.

² Там же. Л. 75.

³ Центральный архив Федеральной службы безопасности России (ЦА ФСБ). Д. Р-39318. Л. 13.

⁴ Там же.

против отряда Бавужава. Как мы видим, они даже помогали харчинам в их военных перевозках. Далее выясняется, что дауры оказали помощь не только предоставлением телег, но и перевозкой оружия. Как указывал Фуминтай, вождь повстанцев Бавужав, имея в своем отряде более 2000 бойцов, в 1915 г. связался через Хайлар с японцами. Он получил от них нелегально патроны, гранаты, револьверы и пр. Винтовок в 1915 г. японцы не дали, заявив, что не могут через КВЖД перевозить крупное оружие. Вышеотмеченное оружие (патроны, гранаты, револьверы) японцы дали Бавужаву для борьбы против китайцев. По словам Фуминтая, «монголы (имеются в виду дауры. – *Авт.*) нашей деревни это оружие перевозили секретно»¹. Эти сведения, очевидно, нуждаются в дальнейшем исследовании. Как известно, Бавужав получил вооружение от японцев в 1916 г., сведений о получении им японского оружия в 1915 г. не имеется. Что касается дауров, то они, по всей видимости, действительно занимались перевозкой оружия. Здесь следует учесть тот факт, что Хулун-Буир как Внешняя Монголия ждал результатов Кяхтинской тройственной конференции 1915 г. и его население, надо полагать, также было настроено весьма решительно. После провозглашения независимости Хулун-Буира в 1912 г. правящие круги сочувственно относились к повстанцам Внутренней Монголии. Так, в 1912 г. во владения Шэнфу, скрываясь от китайских войск, перешел один из лидеров повстанческого движения Внутренней Монголии князь Удай [10, с. 113].

По данным Фуминтая, на следующий день после занятия Хайлара войсками Бавужава (в документах харчинский отряд упоминается как «войска Бавужава», хотя он погиб еще в 1916 г. и предводителем отряда был Шадарбал. – *Авт.*) он и его друг Алтан-Бато пошли в штаб харчинского отряда, к некоему Мин Тунши. В 1913–1916 гг. Мин Тунши работал в Урге вместе с Цэнд-гуном – дядей Фуминтая. В штабе харчинского отряда им объявили, что их деревню Мэхэртэ харчины не тронут. Там же им выдали пропуск для розыска трупа командира взвода их отряда, погибшего в сражении под Хайларом². Далее Фуминтай отмечает, что Сэбчжингэ и Мин Тунши были японскими агентами, воевали их оружием. Летом 1916 г. Сэбчжингэ и Бавужав получили от японцев 1000 винтовок, 2 пушки и все время работали для японцев. Фуминтай указывает на наличие лишь двух японских советников в харчинском отряде³. Как мы выше отмечали, японских инструкторов в отряде было гораздо больше. Очевидно, Фуминтай отметил лишь главных японских инструкторов.

В отчете В. В. Граве указывается, что Старый Хайлар был занят отрядом в 100 чел. под командованием Сэбчжингэ. В городе проживали и главные начальники японцев – Секи и Садаки, известные у монголов под именами Гуан и Лин⁴. Помимо этого маленького отряда Сэбчжингэ, имелись и другие, более крупные формирования, дислоцированные в других частях

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 24.

² Там же. Л. 14.

³ Там же. Л. 15.

⁴ АВПРИ. Ф. Консульство в Хайларе. Оп. 573. Год 1914–1915. Д. 7. Л. 76.

Хулун-Буира. В целом харчинский отряд был разделен на четыре группировки. Первая группировка во главе с Шадарбалом, в количестве около 1500 чел., расположилась в южной части Хулун-Буира, в местности Цаганнор. Группировка Шадарбала имела семь орудий, и при ней находились семь японских инструкторов. Вторая группировка заняла деревню Наньтунь, в 8 верстах к югу от Хайлара. Ее составили около 1400 бойцов, командовал которыми Даржа. Группировка не имела орудий, в ней не было японцев. По замечанию В. В. Граве, Даржа был японофобом, чем и объясняется отсутствие в его группировке японских инструкторов. Третья группировка, под командованием Бумбажава, занимала деревню Ситунь, в полутора верстах от Хайлара. Она состояла из 500 солдат – 300 монголов и 200 хунхузов. Группировка Бумбажава имела два бронзовых орудия старого образца, отлитых еще до Русско-японской войны. При группировке находились японцы. Четвертым вооруженным формированием была вышеотмеченная группа во главе с Сэбчжингэ¹.

Таким образом, Фуминтай и Алтан-Бато входили в штаб группировки Сэбчжингэ. Поскольку харчины выступали за восстановление монархии в лице Цинской династии, Фуминтаю и его другу в штабе было дано поручение о проведении агитации за маньчжурскую династию среди местного населения. Как отмечал Фуминтай, это поручение дали Сэбчжингэ и Мин Тунши. Они подчеркивали, что движение за восстановление маньчжурской династии поддерживают японцы. Другой целью агитации было внушить спокойствие местному населению. Фуминтай и Алтан-Бато должны были разъяснить людям, что войска Бавужава ничего, кроме лошадей, реквизировать не будут. Заметим, что поручение Сэбчжингэ выполнялось молодыми даурами (Фуминтаю на тот момент было 19 лет; друг – Алтан-Бато, очевидно, был его ровесником. – *Авт.*). Так, Фуминтай лично передал Мин Тунши двух своих коней². Другим поручением от Сэбчжингэ и Мин Тунши было проведение агитации за создание добровольческого отряда из местного населения. Агитация, очевидно, не возымела особого эффекта. Из даурской деревни Мэхэртэ в добровольческий отряд ушли лишь два человека³. Бавужав и его преемники в 1916–1917 гг., выступая за восстановление Цинской династии с помощью японцев, вели переговоры с главой Хулун-Буира Шэнфу о ведении совместных действий против китайцев. Переговоры осуществлялись через племянника Шэнфу – Линшена. По данным Фуминтая, соглашение между войсками Бавужава и Шэнфу не состоялось из-за того, что базой и центром прояпонского движения Бавужав и его окружение хотели сделать г. Хайлар. Шэнфу возражал против этого, хотя был согласен с идеей создания блока монголов (включая и дауров. – *Авт.*) под руководством японцев. Хайлар был городом Шэнфу, и подвергать его опасности он не хотел⁴. Фуминтай отмечал, что после взятия Хайлара Сэбчжингэ и Мин

¹ АВПРИ. Ф. Консульство в Хайларе. Оп. 573. Год 1914–1915. Д. 7. Л. 75–76.

² ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 16.

³ Там же. Л. 16.

⁴ Там же. Л. 25.

Тунши привлекли его и Алтан-Бато к работе на их стороне как идейно близкую молодежь. Молодые даурские деятели согласились вести агитацию, вербовать добровольцев, собирать лошадей для войска Бавужава. Но ввиду того что харчинские группировки начали заниматься грабежами, взятками и вымогательством, Фуминтай и другие руководители стали относиться к ним неодобрительно. По словам Фуминтая, он понял, что такие деятели не смогут возглавить большое движение и будут уничтожены.

Большое влияние на молодых дауров оказал Цэндэ-гун, который по прибытии из Урги был арестован группировкой Бумбажава и освобожден за 5 тыс. китайских долларов. После освобождения Цэндэ-гун начал под руководством русского консула вести подготовку к изгнанию харчинских группировок из Хулун-Буира. Фуминтай, Алтан-Бато, а также Мэрсэ помогали этому делу¹. По некоторым данным, Цэндэ-гун на тот момент являлся заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии². Очевидно, что дел у него было много и ему приходилось постоянно ездить между Ургой и Хайларом. В Архиве внешней политики Российской империи сохранился документ, в котором российский посланник в Китае князь Кудашев со ссылкой на телеграмму Д.С.С. (действительный статский советник. – *Авт.*) Орлова от 25 сентября 1917 г. информировал о скором приезде в Хайлар Цэндэгуна. Согласно этому документу, Цэндэгун ехал в Хайлар, чтобы выставить кандидатуру Манлай-вана (очевидно, речь идет о баргутском манлай-баторе Дамдинсурэне. – *Авт.*)³. По всей видимости, говорилось о кандидатуре на должность фудутуна Хулун-Буира. Российский посланник в Китае указывал вице-консулу в Хайларе на недопустимость подобного выбора. Предписывалось всеми имеющимися в распоряжении вице-консула средствами противодействовать осуществлению этого намерения. Как отмечал князь Кудашев, российское правительство считает нежелательным вмешательство Внешней Монголии в дела Хулун-Буира⁴. Вице-консулу в Хайларе также поручалось добиться такого положения, при котором власти Хулун-Буира прибегали бы к его помощи. По мнению российского посланника в Китае, изгнание российскими войсками харчинов из Хайлара и удаление японцев по настоянию российских дипломатов должны восстановить престиж России в глазах местной власти, и это обстоятельство необходимо использовать как можно шире⁵.

Некоторые сведения о конфликте в Хулун-Буире в 1917 г. имеются и в уголовном деле Мэрсэ (Го Даофу), хранящемся в Центральном архиве ФСБ России. Беспорядки в Хулун-Буире вынудили студента Мэрсэ прервать учебу в престижном Пекинском институте русского языка, открытом при МИД Китайской Республики. До окончания учебы ему оставалось еще три года, однако он в срочном порядке вернулся в Хулун-Буир, узнав, что его отец

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-39318. Л. 26.

² АВПРИ. Ф. № 299 «Вице-консульство в Хайларе» (Китай) 1913–1920 гг., Оп. 573. Д. 3. Л. 20.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

арестован харчинами и все его имущество разграблено. К приезду Мэрсэ его отец в числе беженцев находился на станции Чжаромтэ. Пробыв несколько дней у отца, Мэрсэ поехал с дедушкой в Цицикар, где находился больше месяца. Зная, что прежние власти Хулун-Буира принимают меры к свержению харчинов, Мэрсэ выехал к отцу на ст. Чжаромтэ, чтобы принять участие в этих событиях. По словам Мэрсэ, в это время около ст. Чжаромтэ проживал его товарищ Фуминтай¹. Увидевшись, они решили ехать во Внешнюю Монголию к князю Манлай-вану, чтобы просить его взять руководство над отрядами Хулун-Буира и свергнуть харчинов. В этот период Манлай-ван выехал из Урги и проживал в своем хошуне (Манлай-ванский хошун). После разговора с Мэрсэ и Фуминтаем Манлай-ван согласился помочь и взять руководство по свержению харчинов на себя. По словам Мэрсэ, они с Фуминтаем не хотели, чтобы к власти снова пришло прежнее начальство Хулун-Буира. Этот эпизод Мэрсэ считал началом своей политической деятельности. Однако, пока они договаривались, старые власти Хулун-Буира сумели свергнуть харчинов².

Эти сведения Мэрсэ, однако, не подкрепляются другими источниками. Фуминтай также не упоминает об их поездке к Дамдинсурэну в 1917 г., хотя, на наш взгляд, такая поездка была вполне достойна упоминания в деле даурского революционера. Описывая конфликтные события 1917 г., Фуминтай не говорил о Мэрсэ и Дамдинсурэне. В этой связи возникает много вопросов, требующих дальнейшего детального исследования. Что касается изгнания харчинов из Хулун-Буира, то оно состоялось в сентябре-октябре 1917 года. Сражения проходили также в районе р. Халхин-Гол. В них принимали участие монгольские войска во главе с Хатан-батормом Магсаржавом и российским инструктором Васильевым. Основные бои с харчинскими повстанцами развернулись у горы Дархан-ула (район Халхин-Гола). Во время одного из сражений был убит российский военнослужащий унтер-офицер Иванов [4, с. 73]. В уголовном деле Мэрсэ о конфликте в Хулун-Буире 1917 г. содержится мало данных. Большой упор в своих показаниях он делал на баргутское восстание 1928 г. Здесь отмечен проезд к Мэрсэ в Хандагай (место дислокации баргутских повстанцев. – *Авт.*) японского агента Шао-Лина³. Шао-Лин приехал к нему с письмом от даоина (начальника Баргинского округа) Чжао-Дюн-чжина, который писал, чтобы Мэрсэ прекратил военные действия и начал с китайскими властями переговоры. Фактически же у Шао-Лина были совершенно противоположные задачи. Он приехал по заданию японцев выяснить положение баргутских повстанцев и возможность связать Мэрсэ с японцами. Шао-Лин лично с Мэрсэ на эту тему не говорил, а предложил связаться с японцами через Нимажапа, баргутского революционера. Как писал Мэрсэ, он от такого предложения отказался⁴. Он также отмечал, что о попытках японцев связаться с ним знал Фуминтай и он

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 2об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 9об.

⁴ Там же. Л. 10.

был против этого¹. Известно, что Мэрсэ и баргутские повстанцы ждали помощи от МНР и Коминтерна [9, с. 131]. И, как мы видим, Япония также внимательно следила за ходом баргутского восстания и предпринимала попытки перетянуть лидеров повстанцев на свою сторону. К тому времени население Хулун-Буира и других регионов Внутренней Монголии уже привыкало к японским советникам, военным, сотрудникам различных учреждений, разного рода исследователям. Приближалась новая кратковременная эра Маньчжоу-Го.

Западное направление было одним из главных в стратегических планах японских военных. Продвижение в сторону Внешней Монголии и сибирских территорий России расценивалось ими как одно из самых благоприятных. Здесь учитывалось общее ослабление Российского государства, революционный кризис и отдаленность Сибири от центра. Воспользовавшись неравноправным Кяхтинским соглашением 1915 г. и общим недовольством монголов, Япония поддержала повстанческий отряд Бавужава, направив его действия в русло восстановления Цинской династии. Японские инструкторы, работавшие в этом отряде, еще в 1916–1917 гг. выбрали местом его дислокации район Халхин-Гола. Несмотря на малонаселенность территории, с давних времен он был ключевым узлом, связывавшим Хулун-Буир (Баргу), Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Даурские чиновники Хулун-Буира в 1917 г. осознавали всю сложность ситуации и просчитывали всевозможные комбинации с участием провинциальных властей Китайской Республики, России, КВЖД и охраняющих ее войск, Японии. В эти годы проходили своеобразную закалку будущие революционеры, проводники линии Коминтерна – Мэрсэ и Фуминтай. В 30-е гг. XX в. им было суждено разделить судьбу многих советских и монгольских деятелей, обвиненных в шпионаже в пользу Японии.

Список литературы

1. *Батбаяр О.* Представления военных кругов Японии и России о Монголии: до и после провозглашения независимости Монголии 1911 года // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Иркутск, 2014. С. 329–336.
2. *Кузьмин С. Л.* Барга (Хулунбуир) под контролем монгольских повстанцев в 1917 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 4 (44). С. 615–626.
3. *Кузьмин С. Л.* Взятие монгольскими повстанцами столицы Барги (Хулунбуира) в 1917 г. // *Oriental Studies*. 2019. № 2 (42). С. 174–182.
4. *Кузьмин С. Л.* Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире) // *Восточный архив*. 2019. № 2 (40). С. 63–79.
5. *Кузьмин С. Л.* Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // *Oriental Studies*. 2018. № 6 (40). С. 2–14.
6. *Курас Л. В.* Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в. Иркутск : Оттиск, 2016. 252 с.
7. *Ностаева Е. В.* Харачинский вопрос в Барге (1917 г.) // *Восточный архив*. 2010. № 1 (21). С. 43–48.
8. *Цыбенев Б. Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911–1917) // *Иркут. ист.-экон. ежегодник*: 2017. Иркутск : Изд-во БГУ, 2017. С. 201–210.

¹ ЦА ФСБ. Д. Р-34587. Л. 10 об.

9. Цыбенков Б. Д. Национально-освободительное движение в Хулун-Буире в первой трети XX в. и визит в регион Панчен-ламы IX в 1931 г. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2017. Т. 21. С. 128–135.

10. Цыбенков Б. Д., Юй Шан. Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Серия: История. 2018. Т. 26. С. 109–118.

The Japanese in Hulun-Buir in the First Third of the XX Century

L. V. Kuras, B. D. Tsybenov

Institute for Mogolian, Duddhist and Tibetan Studies SB RAS, Ulan-Ude, Russian Federation

Abstract. The article examined the materials of the archive of foreign policy of the Russian Empire and the archive of the Federal Security Service of Russia. The authors investigated the strengthening position of Japan in the far north-east of China. They studied the activities of Japanese instructors in the Kharchin's troop in 1917, and also found out the names of Japanese officers. Japanese instructors actively worked in the Khalkhin Gol area in 1917. The article also examined the criminal cases of Daurian politicians Merce and Fumintai. They were accused of spying for Japan. The authors found the names of people who worked with Daurian figures.

Keywords: Hulun-Buir, Japanese, Kharchins, Khalkhin-Gol, Daurs, Barguts, Merce, Fumintai.

For citation: Kuras L.V., Tsybenov B.D. The Japanese in Hulun-Buir in the First Third of the XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series History*, 2020, vol. 31, pp. 71-81. <https://doi.org/10.26516/2222-9124.2020.31.71> (in Russian)

References

1. Batbayar O. Predstavleniya voyennykh krugov Yaponii i Rossii o Mongolii: do i posle provozglasheniya nezavisimosti Mongolii 1911 goda [Representations of the military circles of Japan and Russia about Mongolia: before and after the declaration of independence of Mongolia in 1911]. *Rossiya i Mongoliya v nachale XX veka: diplomatiya, ekonomika, nauka* [Russia and Mongolia at the beginning of the XX century: diplomacy, economics, science], Irkutsk, 2014, pp. 329-336. (in Russian)

2. Kuzmin S. L. Barga (Khulunbuir) pod kontrolem mongol'skikh povstantsev v 1917 g. [Barga (Hulunbuir) under the Control of Mongolian Guerrillas in 1917]. *Oriental Studies*, 2019, no 4 (44), pp. 615-626. (in Russian)

3. Kuzmin S. L. Vzyatiye mongol'skimi povstantsami stolitsy Bargi (Khulunbuira) v 1917 g. [The 1917 Conquest of the Capital Town of Barga (Hulunbuir) by Mongolian Guerillas]. *Oriental Studies*, 2019, no 2 (42), pp. 174-182. (in Russian)

4. Kuzmin S. L. Izgnaniye mongol'skikh povstantsev iz Khaylara v 1917 g. i polozheniye v Barge (Khulunbuire) [The expulsion of the Mongol rebels from Hailar in 1917 and the situation in Barga (Hulunbuir)]. *Vostochnyy arkhiv* [Eastern Archive], 2019, no. 2 (40), pp. 63-79. (in Russian)

5. Kuzmin S. L. Polozheniye povstantsev Vnutrenney Mongolii posle smerti ikh lidera Bavuzhava v 1916 g. [Guerillas of Inner Mongolia after the Death of Their Leader Babujab in 1916]. *Oriental Studies*, 2018, no 6 (40), pp. 2-14. (in Russian)

6. Kuras L.V. *Transnatsionalnaia istoriia mongol'skogo mira v usloviakh revoliutsionnogo pod'ema: pervaiia chetvert XX v.* [The transnational history of the Mongolian world in conditions of a revolutionary upsurge: the first quarter of the 20th century]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2016, 252 p. (in Russian)

7. Nostaeva E.V. Kharachinskiy vopros v Barge (1917 g.) [The Kharachin's Question in Barga (1917)]. *Vostochnyy arkhiv* [Eastern Archive], 2010, no. 1 (21), pp. 43-48. (in Russian)

8. Tsybenov B.D. K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911–1917) [To study the history of the Daur people of Hulun Buir (1911-1917)]. *Irkutskii istoriko-ekonomicheskii ezhegodnik: 2017* [Irkutsk Historical and Economic Year-book: 2017]. Irkutsk, Baikal State University Publ., 2017, pp. 201-210. (in Russian)

9. Tsybenov B. D. Natsional'no-osvoboditel'noye dvizheniye v Khulun-Buire v pervoy tretyi XX v. i vizit v region Panchen-lamy IX v 1931 g. [The National Liberation Movement in Hulun-Buir in the First Third of the XX Century and the Visit to the Region of the Panchen Lama IX in 1931]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2017, vol. 21, pp. 128-135. (in Russian)

10. Tsybenov B. D., Yui Shan. Buddizm i natsionalizm vo Vnutrenney Mongolii v pervoy chetverti XX v. [The Buddhism and Nationalism in Inner Mongolia in the First Quarter of the XX Century]. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [The Bulletin of Irkutsk State University. Series History], 2018, vol. 27, pp. 109-118. (in Russian)

Курас Леонид Владимирович

*доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: kuraslv@yandex.ru.*

Kuras Leonid Vladimirovich

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Senior Research Associate
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: kuraslv@yandex.ru.*

Цыбенков Базар Догсонович

*кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Институт монголоведения, буддологии
и тибетологии СО РАН
Россия, 670047, г. Улан-Удэ,
ул. Сахьяновой, 6
e-mail: bazar75@mail.ru*

Tsybenov Bazar Dogsonovich

*Candidate of Sciences (History),
Research Scientist
Institute for Mongolian, Buddhist
and Tibetan Studies SB RAS
6, Sakhyanova st., Ulan-Ude, 670047,
Russian Federation
e-mail: bazar75@mail.ru*